

Душа социализма ¹⁾

III

Социологизм, наряду с экономизмом, есть определяющий факт современного самосознания. Родовая жизнь и родовое самосознание всегда были присущи человеку, как непосредственное органическое единство нации, племени, семьи и т. д. Благодаря этой органичности здесь не возникало мучительной проблемы наших дней о взаимоотношении личности и общества, которая гармонически совмещалась, и в этом совмещении проявлялась наивная, но вѣщая мудрость непосредственности. Теперь она утеряна настолько, что даже самобытность обоих соперничающих начал подвергается сомнѣнію и даже отвергается. Социальная самозаконность общества, раскрываемая социальной наукой, предстает в такой реальности, которая как будто не оставляет мѣста для личного начала. Личность, растворяющаяся в социальном цѣлом, понимается, как «рефлекс», онтологическая иллюзия, всплеск социальной волны, не болѣе. Еще Кетле, открыв закономерность статистических рядов в своей Социальной Физикѣ, преткнулся на вопросѣ о мѣстѣ личности с ея свободной и творческой оригинальностью в этой безличной или надличной закономерности. Обычно же социальная наука, сама ошеломленная своими открытіями, даже не пытается ставить вопрос о личности, сразу капитулируя в пользу принципа вѣличной закономерности, фактически упраздняющей личность в социальном цѣлом. А популярная «политграмота» принимает уже в качестве научного догмата, что «свободы» личности, как и ея самой, просто не существует. Пальма первенства в этом социальном детерминизмѣ принадлежит марксизму, который провозглашает, как единственную человѣческую реальность, производственные группы

¹⁾ См. «Новый Град», №№ 1 и 3.

ровки или классы. Возникает новая социальная мифология, в которой отвлеченным обобщениям усваивается больше полновесное бытие, нежели конкретности личной жизни. В таком виде социологизм, как жизнечувствие и мировоззрение, в самых своих основах, безотносительно к частным выражениям, является существенно не- или даже анти-христианским мировоззрением, в настоящее время больше всего соперничающим с христианством в своем отрицании личности, как духовно-творческого начала, во имя безличного социального автоматизма. Трудно измерить все то опустошение, которое производит в душах это суевѣрие (хотя дѣйствие его и умѣряется фактической непоследовательностью при его применении). Это есть особый социальный атеизм, и первый член этого атеистического кредо гласит, что личности нѣтъ, откуда, по-своему неопровержимо, выводится, что и души нѣтъ, и Бога нѣтъ, и вообще есть только социальный Левиафан.

Христианство также исповѣдует, что существует реальное человеческое многоединство, тѣло Христово, состоящее из живых членов (I Кор. 12, 12-27), различных и индивидуальных, т.-е. личностей, и в этом догматѣ о Церкви имѣется достаточное основание для раскрытия принципов христианской социологии. Однако доселѣ христианская догматика пассивно безмолвствует пред этим языческим социологизмом, его замалчивая и не замѣчая, даже и не пытается его опровергать, поставляя вещи на мѣсто. Для этого, конечно, нѣтъ нужды спорить против фактической очевидности, по крайней мѣрѣ, нѣкоторых социологических обобщений. Это также ненужно, как, напримѣр, опровергать фактическое содержание естествознания лишь потому, что из него часто дѣлаются произвольные и непродуманные мнимо-философские выводы. До сих пор социальные проблемы рассматриваются в богословии лишь под углом зрѣнія этическим, а не социологическим. Однако для него отнюдь не является невмѣстимым, сам по себѣ, факт существованія и социальных закономерностей в жизни человечества, как социального тѣла, хотя он и не является исчерпывающим человеческую жизнь. Христианское богословие призвано к большему — дать отвѣтъ на вопрос, пред кото-

рым в безсиліи останавливается соціологія, — как совмѣстить и в мысли и в жизни равную реальность и самобытность, как личности, так и цѣлаго общества. Фактически реальность личности не может быть устранена даже тогда, когда она отрицается доктринально: соціологія изнемогает от этой безличности, и христіанская антропологія должна быть примѣнена к соціологіи. Фактически и в христіанской догмѣ господствует индивидуалистическое пониманіе общества, по преимуществу как агрегата несвязанных между собою личностей, хотя это не соответствует ея собственному ученію о челоуѣчествѣ как цѣлокупном Адамѣ, который и воспринят, как цѣлое, челоуѣчеством Христовым. Во Христвѣ все челоуѣчество существует и как родовое существо и как совокупность личностей, реальное много-единство. Идея соборности, легшая в основу ученія о Церкви, может получить и соціологическое примѣненіе, в котором и может быть преодоленъ убійственная доктрина безбожнаго соціологизма. «Познайте истину, и истина освободит вас». Все библейское откровеніе относится к «сынам челоуѣческим», которые совмѣщают в себѣ и личное и родовое начало. И если богословіе само не дает до сих пор достаточнаго примѣненія этому началу, то к этому нудит теперь распространенная соціологическая ересь, в концѣ концов повреждающая догмат о богочелоуѣчествѣ. Исторія догмы свидѣтельствует, что различныя ереси фактически являлись в вопросах, поставленными богословію и расширявшими его проблематику; подобное же происходит и теперь с ересью соціологизма.

Бездушный социализм обращен к современной жизни не только міросозерцательной стороной, как ересь екклезіологическая, относящаяся к области ученія о Церкви, но и как ересь жизни, выражающаяся в ея секуляризаціи с внѣшним обобщеніем и принудительной коллективизаціей, с превращеніем челоуѣчества в соціальное стадо или муравейник. В настоящее время, по крайней мѣрѣ, в странах европейской цивилизаціи, личность находит себя в состояніи принудительнаго коллективизма и стандартизаціи жизни. Не одни лишь большевики физическим и экономическим насиліем загоняют в колхозы и коммунальныя общежитія, вообще практически примѣняют без-

божный и обезбоживающий, безличный и обезличивающий социализм в воинствующей формѣ коммунизма. Вся обстановка современной жизни дѣлает то же самое, хотя и менѣ явным и варварским принужденіем. Во времена патриархальнаго быта человек находил себя в органическом общеніи, которым опредѣлялось и осмысливалось его мѣсто в жизни с достаточной для даннаго положенія убѣдительностью. И завѣтъ ап. Павла: «каждый оставайся в том званіи, в котором призван... пред Богом» (I Кор. 7, 20-4), который звучит для нас консервативно-квѣтистически, помимо своего пребывающаго, аскетическаго, смысла, исторически предполагает нѣкоторый патриархально-органической уклад жизни. Для него даже такой страшный социальный институт, как рабство, получал свою относительную оправданность и в этом качествѣ, как таковой, не подвергается осужденія от апостола (Еф. 6, 5-9).¹⁾ Но этот органической быт разрушается повсюду, и на его развалинах возникает искусственный, рационализированный на основѣ технической и экономической цѣлесообразности уклад жизни. Эта рационализация имѣет двѣ стороны: революціонизированіе жизни с атомизированіем общества, — притом, вопреки социологизму жизни с его отрицаніем личности, ведущему к индивидуализму, — а вмѣстѣ с тѣм принудительное соединеніе этих человеческих атомов в процессѣ хозяйственной и государственной жизни, — на фабриках (индустриализация), в городах (урбанизация), государственных учрежденіях (этатизация), вообще коллективизация жизни на почвѣ общих интересов. Это можно называть социализмом жизни, независимо от формы хозяйства (так что в этом смыслѣ социалистическим является и высоко-рационализированное капиталистическое общество, может быть, не менѣе, чѣм принудительно-коммунистическое). Человек не может по природѣ своей остаться атомизированным, он творит новыя объединенія, его жизнь по новому обобществляется, — но как и на каких началах? Обычно на утилитарных, — на фактической общности жизни, нужды или интереса. Так возникают классы и общества, с их особой солидарностью, на началах во-

¹⁾ Подобным образом Карлейль в *Past and Present* сопоставляет жизнь средневѣковаго крѣпостного и современнаго пролетарія, как принадлежащих органическому и неорганическому укладу жизни, не в пользу послѣдняго.

инствующаго соціологізма. Раціоналізм жизни кладет свою печать и на эти отношенія.

Однако человек даже и в состояніи душевнаго упадка не может удовлетвориться одной фактической данностью, но устанавливает к ней цѣнное отношеніе, вносит идеализацію. Поэтому и свой принудительный коллективизм он начинает воспринимать как особаго рода соборность, на самом дѣлѣ ища истинно-церковнаго общенія. Возникает активный соціологізм, уже как свободное самоопредѣленіе: человек, принадлежа к извѣстному классу или состоянію, начинает сам утверждать себя, как классовое существо, имѣющее свою классовую жизнь. Современное общество представляет из себя совокупность таких вертикальных группировок, взаимно-обособляющихся, но каждая для себя достаточно обоснованных. Они вступают в связь между собою, подчиняясь во взаимных отношеніях извѣстному масштабу іерархіи цѣнностей (интернаціонал пролетаріата, фашизм итальянскій, нѣмецкій и т. п.). Общая черта этих объединеній есть их языческій натурализм и в этом смыслѣ звѣринность. Это значит, что в качествѣ высших цѣнностей и их масштабов ставится то, чему свойственен характер не высшей, самодовлѣющей, но подчиненной цѣнности и этим нарушается духовная іерархія цѣнностей. Конечно, и классовое объединеніе содержит в себѣ, но крайней мѣрѣ, в извѣстных предѣлах, нѣкую духовную цѣнность; также и національность, как первозданное начало, есть самоцѣнность, хотя и не высшая и самостоятельная, которая могла бы служить послѣдним критеріем, также и государство. Притязая на абсолютность, эти начала создают объединенія, которыя представляют собой род лжецеркви. Они могут в своих предѣлах давать мѣсто и церкви, как національно-историческому установленію, оцѣниваемому однако с точки зрѣнія иной, высшей цѣнности. Но такое отношеніе к церкви только подчеркивает этот соціально-культурный атеизм, который в завуалированности своей по существу не отличается от воинствующаго безбожія. Общественная жизнь теперь являет поэтому зрѣлище духовной опустошенности и практическаго атеизма. Если в прежнія времена церковь, находясь в союзѣ с государством, и сама иногда оказы-

валась под его влияніем, то теперь звѣр, т.-е. социальная самозаконность с ея автоматизмом и принудительным коллективизмом, совершенно опредѣленно устанавливает свои цѣнности, налагает «начертанія на правую руку и чело» людей, так что «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кромѣ того, кто имѣет это начертаніе» (Апок. 23, 16). И «число звѣря — число человѣческое». Это природный человѣческій коллектив с практическим безбожіем общественной жизни. Чрез это вносится и в жизнь людей церкви духовное двуподданство, а пассивное удаленіе в мнимую «пустыню» фактически приводит к рабствованію тому же звѣрю.

Есть ли существующее соотношеніе между христіанством и общественностью единственно возможное, или же Велиару здѣсь отдается без боя то, что может ему и не принадлежать, а потому и не должно быть уступлено? Возможно ли преодолѣніе изнутри этого безбожнаго общественнаго автоматизма и звѣринности (которая, конечно, таит в себѣ и звѣрство)? Догматически это не только возможно, но и необходимо. В христіанском ученіи о человѣкѣ, как лично-родовом существѣ, содержится мысль и об общности жизни, т.-е. о такой общественности, в которой сохраняется личное начало, нераздѣльное с родовым. Поэтому индивидуалистическое обособленіе, или принципиальное отшельничество, не различающее «пустыню» от пустоты, обличается как грѣховное эгоистическое самоутвержденіе. Впрочем, монашеское уединеніе и даже пустынножителство фактически являются только видом христіанскаго служенія в опредѣленных условіях, между тѣм как никакого служенія не хочет знать эгоцентризм, который в этом смыслѣ не выше откровеннаго принципиальнаго себялюбія Бентамовскаго «экономическаго человѣка». Христіанство имѣет двѣ заповѣди, на которых «висят закон и пророки»: любовь к Богу и вторая. «подобная ей», любовь к ближнему, причем всѣ и каждый может явиться этим ближним. Итак, возможна «христіанская социологія», как часть догматическаго и практическаго («нравственнаго») богословія, причем необходима четкая постановка ея проблем и цѣлей, — пред этим стоит теперь церковная мысль. Общественность, основанная на при-

родных инстинктах, или же рационализация и автоматизация, должна быть преодолена и растворена в... церковности. Человѣчество задыхается и изнемогает в безысходности этого противорѣчія между эгоцентризмом индивидуализма и садизмом коммунизма, бездушнаго этатизма и оскалившаго зубы расизма. Церковь же до сих пор является безответной, соглашаясь, под угрозой гоненія, оставаться одним из терпимых или попущенных государством установленій, или же звѣрски преслѣдуется звѣрем языческой общественности (в коммунизмѣ). А между тѣм только церковь имѣет начало истинной общественности, в которой могут быть уравнивлены и соединены гармонически личное и родовое начало, свобода и общественное служеніе. Она сама именно и есть это начало, как живая соборность. Послѣдняя есть и догматическое основаніе церковной общественности. Но для этого в самом народѣ церковном должен забить ключ новаго вдохновенія, источник живой воды, утоляющій жажду современнаго челоуѣчества, для новаго воспитанія народов, для новой миссіи во тѣмѣ соціального язычества, для пробужденія новаго духа. Это не есть ложный утопизм «розоваго христіанства», который забывает о трагическом характерѣ исторіи с неизбежным раздѣленіем добра и зла, ибо ранѣе этого послѣдняго раздѣленія добро должно явить всю свою силу. И еще менѣе это есть запоздалый клерикализм католическаго образца, стремящійся удержать «два меча» и отдать руководство жизнью в руки церковной организациі: жизнь, ставшая церковной изнутри, уже не нуждается в подчиненіи извнѣ. Но это есть вѣра в церковь и в присущую ей силу жизни, дѣйствіем Духа Св., живущаго в ней. Проповѣдь Царствія Божія, не умолкающая в Церкви, должна зазвучать и для тѣх областей жизни, в которыя доселѣ она недостаточно проникала, оживляя новым духом омертвѣвшія кости. Даже классовая борьба в классовом обществѣ может опредѣляться не враждой, но классовой совѣстью, с сознаніем взаимных обязанностей. Не это ли именно проповѣдовал ап. Павел даже относительно рабов и рабовладѣльцев, увѣщевая рабов повиноваться ради Господа, а рабовладѣльцев помнить свои христіанскія обязанности относительно рабов? К этой классо-

вой совѣсти обращался в свое время Карлейль, призывая «капитанов промышленности» помнить о своем общественном служеніи. Разумѣется, классовое строеніе общества само в себѣ имѣет нѣчто христіанской совѣсти не соответствующее и потому подлежащее преодолѣнію, но это преодолѣніе должно совершаться не только извнѣ, но и изнутри. Нетворческое отношеніе к соціальной жизни есть грѣх современного христіанскаго общества, который не становится меньше оттого, что прикрывается личною мнимаго аскетизма. Равнодушіе не есть преодолѣніе, и духовный абсентеизм не есть аскетизм. Соціальность изнемогает в поисках смысла, оставаясь без руководства церкви и сама ее оставившая. А между тѣм в жизни общества встают новыя задачи не только отрицательныя, — преодолѣнія звѣрнаго начала, занявшаго мѣсто святости, — но и положительныя. К числу послѣдних относится новое осмысленіе хозяйственнаго труда, его мотивация. 1) Рѣчь идет между прочим об осмысленіи рационализованнаго и механизированнаго труда, который естественно потерял для трудящихся свою прежнюю природную притягательность и, в известном смыслѣ, свой природный артистизм, и стал, совѣм по схемѣ Маркса, «абстрактным» трудом, затратой рабочей энергіи. Такой труд не имѣет в себѣ вдохновенія и радости личнаго творчества, он становится машинной неволей, и это одинаково как при капитализмѣ, так и при социализмѣ. Как ни странно, но попытку пробужденія энтузіазма труда мы имѣем в совѣтском «ударничествѣ», насколько оно существует в дѣйствительности и не есть крикливая реклама. Принципіальное значеніе его в том, что здѣсь все же дѣлается попытка осмысленія личнаго труда чрез включеніе его в общее дѣло «строительства социализма». Однако не ясно ли, что здѣсь предлагается языческій суррогат Царствія Божія, как высшаго служенія, которому должна быть подчинена человѣческая жизнь. Надо выйти из пассивно-квѣтистическаго, консервативно-приспособляющагося отношенія к соціальному труду на путь активно-проективнаго, привести его к Христу. Иначе в силу духовнаго

1) Вопрос этот, между прочим, возникал на богословско-соціологической конференціи в Ренгсдорфѣ в мартѣ 1933 года.

horror vacui пустота заполняется злыми силами.

Еще новая трудность и новая проблематика скоро встанет перед человечеством, уже с противоположной стороны, от бремени не труда, но праздности или досуга. Поскольку справедливо мнѣніе, что человечество через «технократію» близится к организации труда, при которой открывается значительный и все растущий досуг, в жизнь вступает новая династія технократов, угрожающая стать новой деспотіей, вмѣстѣ с угрозой растущей праздности масс, с превращением жизни их в развлечение. И то и другое есть духовная опасность, которая предотвращена может быть лишь духовно. Возникает задача воспитания частично освобождающагося от хозяйственного плѣна чело-вѣка, который подвергается опасности духовнаго гніенія вслѣдствіе освобожденія от проклятія, но вмѣстѣ и благословенія неволи труда. Конечно, и от этого рода задач можно заслониться эсхатологической паникой: приближается конец, человечество гибнет во всемірном потопѣ, кромѣ спасающихся в ковчегѣ. Однако можно ли себѣ позволить такую логику историческаго самоубійства, когда нам не дано знать времена и сроки, положенныя Отцом во власти Своей? Не всѣ эти вопросы вошли уже в историческое сознание, но в современном человечествѣ поднимается и нарастает новая тревога и новыя вопрошанія. *Es irrt der Mensch, solang er strebt.* Но живущій в Церкви Дух Божій возвіститъ «будущее» и наставитъ ее на всякую истину. Нужно лишь, чтобы истина эта была искома, искомо Царствіе Божіе. Ибо и к этому искомому соціальному завѣту, как и к другимъ правымъ исканіямъ человечества, относится слово Господа: «Ищите и обрящете, толите и отверзется вам».

Прот. С. Булгаков.